

УДК 329.17

Юрий РУБИНСКИЙ¹

ФРАНЦИЯ: ПРОЩАНИЕ С БИПОЛЯРНОСТЬЮ?

***Аннотация.** Политическая структура Пятой республики была основана на ротации у власти двух системных партий левого и правого центра – республиканцев и социалистов. После сокрушительного поражения обеих на президентских и парламентских выборах 2017 г. на смену пришла гегемония центристской партии президента Э. Макрона «Вперед Республика!», созданной на обломках прежней системы. Однако ее долговечность зависит от результатов президентской программы модернизации социально-экономической модели Франции, чреватой усилением центробежных тенденций среди избирателей.*

***Ключевые слова:** Франция, политическая структура, партийная система, левые, правые, ротация власти, Макрон, модель.*

В 2018 г. Франция отметит 60-ю годовщину основания Пятой республики, которая имеет все шансы стать более долговечной, чем предыдущие четыре. Основные принципы действующей Конституции 1958 г., которые были заложены генералом де Голлем – асимметричный баланс ветвей власти с преобладанием исполнительной и ключевая роль главы государства как верховного арбитра между ними – в целом успешно выдержали испытание временем. Поэтому призывы к созданию парламентской Шестой республики не находят сколько-нибудь заметного отклика. Если, однако, анатомия существующего режима – тип государственного строя остаётся в неприкосновенности, то его физиология – партийно-политическая система, отношения центра с регионами, государства с гражданским обществом, претерпевают серьёзные изменения. Президентские и парламентские выборы 2017 г. могут стать в этом плане переломным моментом.

Два полюса

Решающим фактором, который определял до сих пор партийный ландшафт Пятой республики, были выборы главы государства всеобщим голосованием по мажоритарной системе в два тура. В первом для избрания необходимо получить абсолютное большинство – более 50% голосов, чего не удавалось пока никому. Поэтому спустя 2 недели проводится второй, где остаются только два кандидата, которые получили в первом больше голосов, чем остальные. Очевидно, что из их поединка во втором туре шансы на победу имеет тот, кто сумеет успешнее привлечь голоса не только своих сторонников, но и вчерашних конкурентов из своего лагеря. Принято считать, что в первом туре колеблющийся избиратель голосует «сердцем» – за кандидата той партии, которая ему всего ближе, а во втором «умом» – за того, кто способен вернее всего нанести поражение кандидату противоположного лагеря. Поэтому в ходе кампании перед первым туром каждая партия максимально ужесточает свои позиции с тем, чтобы мобилизовать собственный электорат, а перед вторым смягчает их для привлечения дополнительных голосов с обоих флангов.

В период между турами идёт закулисный торг обоих фаворитов с потенциальными партнёрами, которые стремятся получить от будущего победителя максимальную цену за

© Рубинский Юрий Ильич - д.и.н., г.н.с., руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор НИУ ВШЭ. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11-3. E-mail: yuri.rubinski@mail.ru

поддержку. Поскольку исход президентских выборов обычно предопределяет результаты следующих за ним парламентских, предметом торга служат взаимная поддержка на них кандидатов в округах, корректировка программы будущего большинства, распределение правительственных постов и т.д.

Эти неписанные правила игры призваны решить двоякую задачу: закрепить деление политического поля на два традиционных лагеря – левый и правый, и в то же время обеспечить в каждом из них преимущество умеренных системообразующих партий, которые периодически сменяются у власти при маргинализации крайних флангов. При таком раскладе сил за последними сохранялась лишь т.н. «трибунская» функция критики власти без каких-либо реальных возможностей оказывать влияние на принятие политических решений¹.

На протяжении последних десятилетий двумя системообразующими партиями служили республиканцы справа и социалисты слева. Первые объединили в 2002 г. голлистов разных оттенков, консерваторов и либерал-центристов, вторые продолжали в той или иной форме миттерановскую стратегию союза левых сил, которая позволила им стать с 1981 г. реальной альтернативой правым в борьбе за власть. Традиционный водораздел между правым и левым лагерями в принципе сохранялся: в политике сменявшихся президентов и правительств преобладала в рамках т.н. «республиканского консенсуса» явно преобладала над переменами, особенно в социально-экономических проблемах. Это во многом определялось внешними факторами – глобализацией и европейской интеграцией, которые ограничивали свободу манёвра правительств национальных государств.

Между тем, социально-экономическая модель рыночной экономики, сложившаяся во Франции в первые послевоенные десятилетия, всё менее успешно отвечала реалиям стремительно меняющегося мира. Её особенности – высокая доля государства в экономике (47% ВВП проходят через бюджетные каналы), тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений в кассы соцстраха, жёсткое административное регулирование деловой активности и трудовых отношений – приводили к бегству капиталов за рубеж, хроническому дефициту бюджета и торгового баланса, увеличению госдолга, значительной безработице (9-10% самодеятельного населения). Несовместимость такой модели с требованиями времени стала особенно очевидной в итоге «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. – после которой французская экономика вступила в полосу длительной стагнации с темпами роста порядка 0,6-1,2% в год.

Центробежные тенденции

Реакцией французов на эти тревожные факты стали: рост пессимизма, утрата доверия к дискредитированным серией коррупционных скандалов элитам, абсентеизм на выборах или голосование за популистские партии на крайних флангах политического спектра. Если на протяжении второй половины XX в. в политической жизни Франции преобладала центро-

¹ См. Ю.И. Рубинский, Т.В. Белик. Политическая система Франции: незаконченная модернизация. Доклады Института Европы РАН, М., 2006.

стремительная тенденция, то с начала XXI в. её всё более явно теснила противоположная, центробежная.

Первым симптомом этого оказались президентские выборы 2002 г., в ходе которых противником президента-неоголлиста Ж. Ширака во втором туре стал не премьер-социалист Л. Жоспен, а лидер ультраправого Национального фронта Ж.М. Ле Пен. Хотя сплочение избирателей обеих системных партий под лозунгом «республиканского фронта» обеспечило переизбрание уходящего президента подавляющим большинством – 82%, процесс поляризации сил как в стране, так и внутри обеих системных партий продолжался.

На выборах в органы местного самоуправления, Европарламент кандидаты НФ собирали до 27,5% голосов, «Непокорённой Франции» 11-12%. Поляризация политического пейзажа блокировала нормальное функционирование биполярной системы – ни социалисты, ни республиканцы не могли более обеспечивать ротацию власти за счёт колеблющихся центристских группировок. В погоне за голосами протестных избирателей Национального фронта и «Непокорённой Франции» они вынуждены были заимствовать их националистические или социал-популистские лозунги, которые оказывались у них менее кредитоспособными. «Избиратель предпочитает копии оригинал», – заявляла лидер НФ М. Ле Пен. В то же время интеграция в политическую систему того или иного из крайних флангов исключалась ввиду сугубо демагогического характера их программ, диктуемых протестным электоратом обоих, который социологически всё более схож.

Плачевные результаты попыток двух последних президентов – правого Н. Саркози (2007–2012 гг.) и левого Ф. Олланда (2012–2017 гг.) – найти решение проблем страны вызвали у избирателей на фоне размывания традиционного водораздела политического поля на два лагеря – левый и правый – сомнение в самом смысле ротации системных партий у власти.

В ходе первичных выборов кандидатов на пост главы государства перед президентскими выборами 2017 г. в обеих системных партиях резко обострилась фракционная борьба, в которой взяли верх представители крайних течений – левого у социалистов (Б. Амон), правого у республиканцев (Ф. Фийон), что исключило выход представителей обеих во второй тур. Сам смысл их существования, как и судьба прежней партийной системы оказались под вопросом.

Это относится прежде всего к соцпартии, которая контролировала в 2012-2017 гг. основные рычаги власти – парламентское большинство, правительство, ключевой пост президента. После вынужденного отказа Ф. Олланда баллотироваться на второй срок с учётом катастрофического падения его рейтингов кандидатом на пост главы государства стал лидер левого крыла Б. Амон. Однако его результат в первом туре (2,9 млн, т.е. 6,9% голосов) оказался худшим для социалистов с 1969 г. – он занял всего лишь 5-е место и выбыл из дальнейшей борьбы. Столь же неутешительными для социалистов стали и итоги выборов в нижнюю палату парламента – Национальное собрание, где чисто её депутатов сократилось на порядок – до 31 из 577.

Неудивительно, что в рядах соцпартии начался глубокий разброд – численность рядового актива сократилась втрое, из партии вышли ключевые фигуры – лидер правого, социал-

либерального крыла бывший премьер-министр М. Вальс и его главный оппонент на левом фланге Б. Амон, причём последний объявил о создании собственной конкурирующей группировки. В отставку подал и первый секретарь партии Ж.-К. Камбаделис, публично возложивший ответственность за неудачи социалистов на экс-президента Ф. Олланда. Хотя на чрезвычайном съезде в марте 2018 г. программа партии, её стратегия и тактика были существенно пересмотрены, а к руководству пришли представители нового поколения, все аналитики единодушно считают, что в обозримом будущем шансов на весомое участие в борьбе за власть у «обновлённой» партии нет. Своего рода символом краха соцпартии эпохи Миттерана стала продажа за долги её исторического здания на ул. Сольферино в 7-м округе Парижа.

Весьма чувствительные потери понесли и республиканцы. Их кандидат в первом туре президентских выборов Ф. Фийон, образу которого нанёс тяжёлый ущерб коррупционный скандал, получил в первом туре президентских выборов 7,2 млн голосов (20%), но оказался лишь на третьем месте. На парламентских выборах республиканцам удалось сохранить 3,7 млн голосов (15,7%), что обеспечило им 115 депутатских мест в Национальном собрании, где они стали главной оппозиционной фракцией. Тем не менее, «исторические» лидеры республиканцев – экс-президент Н. Саркози и бывший премьер-министр А. Жюппе – навсегда сошли с авансцены. Избранный председателем на чрезвычайном съезде в декабре 2017 г. Л. Вокье с трудом пытается найти место между президентской партией слева и Нацфронтом справа с тем, чтобы стать главным полюсом оппозиции, но пока без заметного успеха.

В первом туре президентских выборов 2017 г. лидер ультралевой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшон получил 7 млн голосов (19,6%), кандидат НФ М. Ле Пен 7,6 млн (21,3%). Во втором туре за неё проголосовали 10,6 млн (33,94%). Однако трансформировать эти результаты в политически значимое парламентское представительство крайним флангам не удалось – на выборах в Национальное собрание Национальный фронт получил в нижней палате всего 8 депутатских мест, а «Непокорённая Франция» вместе с коммунистами – 26. Хотя среди них фигурируют оба лидера – М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшон, они могут использовать парламентскую трибуну лишь в сугубо пропагандистских целях.

Крах надежд на превращение НФ из аутсайдера в полноценного участника политического процесса пошатнул авторитет лидера НФ М. Ле Пен. После исключения из партии её отца – основателя и почётного председателя НФ Ж.-М. Ле Пена – из неё вышли её племянница Марион Марешаль Ле Пен и вице-президент Ф. Филиппо, создавший собственную группировку «Патриоты». В повестку дня чрезвычайного съезда в апреле 2018 г. выдвинуты пересмотр программы и даже смена названия партии.

Стратегия Э. Макрона

Паралич биполярной модели партийно-политического механизма Пятой республики, ставшей жертвой центробежных сил в обеих системообразующих партиях, вызвал противоположную, центростремительную тенденцию, которую олицетворяют новый президент Э. Макрон и его партия «Вперёд, Республика!». Именно они одержали решающую победу в хо-

де президентских и парламентских выборов 2017 г., завоевав как Елисейский дворец, так и абсолютное большинство депутатов в Национальном собрании – 350 из 577. В состав этого большинства вошла центристская партия «Современная демократия» (МОДЕМ) во главе с Ф. Байру. К нему фактически примкнула отколовшаяся от республиканцев группа «конструктивистов», увеличив большинство до 350-370. Оно призвано обеспечить приведение в жизнь широкой программы реформ: Конституции, налоговой системы, трудового, антикоррупционного законодательства, средней и высшей школы, жилищной политики, правил иммиграции и т.д.

Радикально обновился возрастной, гендерный, профессиональный состав депутатского корпуса, три четверти которого, как и сам президент, прежде никуда ранее не избирались. Значительная часть депутатов президентской партии и многие назначенные президентом министры правительства Э. Филиппа являются не профессиональными политиками, а выходцами из деловых кругов или структур гражданского общества, что отвечает запросу общества на радикальное обновление дискредитированных традиционных элит.

Стратегия Э. Макрона строится на преодолении традиционного идейно-ценностного антагонизма левых и правых партий путём прагматичного синтеза отдельных положений их программ во имя модернизации французского общества и повышения конкурентоспособности его социально-экономической модели перед лицом вызовов внешнего мира. В этой новой системе координат противостояние левых/правых заменялось бы соревнованием «прогрессистов» с «консерваторами», где главным критерием принадлежности к тем или другим объявляется выбор между открытием на внешний мир в рамках евростроительства и замыканием в национальных границах¹.

Очевидно, что подобная постановка вопроса ещё более углубила раскол внутри прежних системных партий. Выходцы из правого социал-либерального крыла социалистов, с одной стороны, либерал-центристское крыло республиканцев, с другой, в сочетании с технократами из деловых кругов и организаций гражданского общества стали основным кадровым резервом партии «Вперёд, Республика!». По тому же сценарию сформировано и правительство Э. Филиппа: пост премьер-министра и экономический блок в нём достались перебежчикам из рядов республиканцев, а ключевые политические посты министров внутренних и иностранных дел заняты бывшими соратниками Э. Макрона по соцпартии.

Причём как в отборе кандидатур, так и в контроле над деятельностью депутатов и министров решающую роль играет сам президент. Характерно, что на съезде правящей партии единственным кандидатом на пост её лидера (генерального делегата) стал, с подачи Елисейского дворца, бывший социалист К. Кастанер, сохранивший при этом пост представителя правительства по связям с парламентом. Опыт первых месяцев деятельности президента и правительства показал, что созданная Э. Макроном новая партийно-политическая структура функционировала достаточно эффективно. Депутаты, которые целиком обязаны своим избранием главе государства, дисциплинированно голосовали за правительственные законопроекты, в том числе наиболее конфликтные (бюджет).

¹ Emmanuel Macron. Révolution. XOéditions, Paris, 2016. P. 153.

Тем самым, вертикаль власти, заложенная в Конституции 1958 г., но пошатнувшаяся в последние два десятилетия из-за кризиса прежних социально-экономической и партийной моделей, восстановлена в полном объеме. Проекты частичной ревизии Конституции, которые готовятся президентом (сокращение на треть числа парламентариев и объема их законотворческой деятельности, ограничение тремя сроками возможности переизбрания и т.д.) идут в том же направлении¹.

Тем не менее, прочность и долговечность итогов этой модернизации далеко не гарантированы. Уже проведенные и планируемые правительством Э. Филиппа реформы должны принести результаты лишь со временем. Между тем они уже сейчас затронули интересы разных категорий избирателей, особенно социально уязвимых – пенсионеров, госслужащих, квартиросъемщиков, учащихся и т.д., которые проявляли свое недовольство забастовками и демонстрациями. На этом фоне индекс доверия президенту претерпел заметные колебания – если в момент инаугурации он достигал весьма высокой отметки (63%), то уже осенью и зимой 2017 г. заметно снизился и колеблется на уровне 45-50%.

Причем отток происходил в основном с левого фланга, за счет бывших избирателей соцпартии, поддержавших кандидатуру Э. Макрона во втором туре президентских выборов. Опросы показывают, что две трети проведенных правительством Э. Филиппа реформ оцениваются респондентами как «правые» и только две-три как «левые». Тем самым, принципиальная установка президента на преодоление этих понятий оказывается под сомнением. К тому же культура депутатов и министров, вышедших, как и сам президент, из элиты чиновничества и бизнес-сообщества, строится по иерархическому, вертикальному принципу. А у подавляющего большинства представителей традиционного политического класса – влиятельных лиц на местах («нотаблей»), чье число превышает 0,5 млн – она имеет горизонтальный характер и строится на основе компромиссов.

Между тем, президентская партия представлена на этих уровнях весьма скромно: у неё нет ни одного поста председателя регионального совета, один департаментского и 3 мэра коммун с населением свыше 70 тыс. человек. В то же время оппозиционные республиканцы контролируют все 8 региональных советов и 66 из 101 департаментского, а социалисты 29.

Неудивительно, что на очередных перевыборах половины членов верхней палаты парламента – Сената, представляющего местные органы власти («территориальные коллективы») – республиканцы сохранили крупнейшую фракцию (184 места), левые 111, а президентской партии и их союзнице – центристский МОДЕМ достались всего 28. Хотя по Конституции 1958 г. полномочия верхней палаты ограничены по сравнению с нижней, конфликт с Сенатом затрудняет проведение дальнейших реформ, особенно ревизию Основного закона без референдума. Между тем, налоговая политика правительства чувствительно ущемившая бюджеты местных органов власти, вызывает в Сенате серьезное недовольство, делая его оплотом оппозиционных сил.

¹ Mathieu Magnaudeix. Macron et Cie. Don Quichotte éditions, Paris, 2017. P. 105.

Они упрекают главу государства в близости к верхушке деловых кругов («президент богатых»), принадлежности к парижской элите, забвении интересов сельской «глубинки», «якобинском централизме» и т.д.

Попытки президента отбить эти упрёки напоминанием о его провинциальных корнях, заверения в сочувствии идеям «жирондистской» децентрализации административной власти, стремление к модернизации сельского хозяйства не находят пока достаточного отклика. Поэтому Э. Макрон взял курс на превращение очередных выборов в Европарламент, намеченных на май 2019 г., в подобие референдума¹, исход которого призван укрепить легитимность власти вплоть до конца его президентских полномочий и создать предпосылки для второго мандата. Для этого изменён порядок евровыборов – они проводятся теперь в национальных, а не в региональных рамках по единым спискам.

Однако подобная стратегия не лишена рисков: опыт показал, что промежуточные между президентскими и парламентскими выборы – муниципальные, департаментские, региональные и особенно европейские – используются избирателями для демонстрации недовольства теми или иными конкретными действиями правительства. Тем самым, центристская конструкция партийной системы может оказаться под вопросом, а центробежные тенденции снова взять верх над центростремительными.

Характерно, что становление центристской партийной системы во Франции происходит на фоне глубокого кризиса её эквивалента в соседней Германии – «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ после выборов 24 сентября 2017 г. в бундестаг. Между тем, укрепление франко-германского «тандема» в ходе модернизации Евросоюза изначально было и остаётся краеугольным камнем всей стратегии Э. Макрона как внутри страны, так и на международной арене.

France: farewell to the bipolarity?

Author. Rubinskiy Yu., Head of the Center for French Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Professor HSE. **Address:** 11/3 Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** yuri.rubinski@mail.ru

Abstract. The political structure of the Fifth republic was based on rotation at power of the two system parties of the left and right centers – republicans and socialists. After their crushing defeat at both presidential and parliamentary elections in 2017, the hegemony of the center party of President Macron «La République en Marche!», created on the debris of the former system, was established. But its longevity is subject to the results of the presidential program of modernization of the social and economic model of France, capable of stimulating centrifugal trends among voters.

Keywords: France, political structure, party system, left, right, rotation of power, Macron, model.

¹ Laurent Bigorgne. Alice Baudry, Olivier Dunamec. Macron, et en même temps... Plon, Paris, 2017. P. 271.